

Леруа М.

**Эволюция государственной власти:
синдикаты чиновников**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л49

Л49 **Леруа М.**
Эволюция государственной власти:: синдикаты чиновников / Леруа М. – М.: Книга по Требованию, 2020. – 208 с.

ISBN 978-5-517-96532-5

Переводъ съ французскаго В. С. Елпатьевскаго

ISBN 978-5-517-96532-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В В Е Д Е Н І Е.

Критика парламентскаго режима и системы легальности, всѣ наблюденія, всѣ изслѣдованія и ученія построенія юристовъ и политическихъ писателей, какъ бы ни были различны ихъ манеры, ихъ выводы и партіи, къ которымъ они принадлежатъ, имѣютъ общую точку отправления — это вѣра въ дѣйствительную силу законовъ.

Формула этой вѣры можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: организація социальныхъ отношеній принадлежитъ изданнымъ, въ надлежащемъ порядкѣ, законамъ, только законамъ, съ ихъ предупредительными правилами и съ ихъ велѣніями.

Эта вѣра, разработанная философами XVIII вѣка, преемниками легистовъ старой Франціи, проведенная въ жизнь депутатами революціонныхъ собраній, поддерживаемая всѣми режимами и въ настоящее время черпающая свой авторитетъ въ конституціи 1875 года,—является официальнымъ постулатомъ нашей политической организаціи; равнымъ образомъ она лежитъ въ основаніи метода изслѣдованій историковъ, юристовъ, публицистовъ; она же вдохновляетъ ту парламентскую дѣятельность, которую профессоръ Мейніаль назвалъ „законодательнымъ помѣшателствомъ“. Такимъ образомъ, она является и политическимъ принципомъ, и методомъ дѣйствія, и, наконецъ, теоретическимъ критеріумомъ: она управляетъ, она учитъ, она критикуетъ, она клеймитъ.

Все то, что идетъ въ разрѣзъ съ законами, юристы стараются подавить, объявляютъ произволомъ, беззаконіемъ, погрѣшностью и отклоненіемъ отъ необходимыхъ принциповъ; все это они отбрасываютъ, какъ заблужденіе и ошибку, проистекающую

изъ дурного толкованія писанныхъ правилъ. Законъ — это принципъ; все, что отклоняется отъ закона, должно быть приведено къ нему—или посредствомъ соціального принужденія, или посредствомъ новаго закона. Всякое нарушение его велѣній разсматривается, какъ нѣчто незаконное, какъ преступленіе, какъ аномалія. Право—это законъ, нѣтъ правъ помимо закона. Вотъ законодательное помѣшательство, котораго не излечать теоретики преторіанской юриспруденціи.

Школьная наука, признавая обязательную силу за обычаемъ, т. е. совокупностью правилъ, самопроизвольно выросшихъ подъ давленіемъ потребностей, разсматриваетъ его, — совершенно въ разрѣзъ съ хронологіей,—какъ презюмированную волю законодателя. Итакъ, понятіе писаннаго закона она распространяетъ и на неписанныя юридическія правила обычая и традиціи. Такимъ образомъ, по самой удивительной фикціи, обычай превращается въ простую разновидность закона. Теперь считается, что писанный законъ создаетъ общество и всецѣло направляетъ его, какъ по старой теоріи считалось, что только король направляетъ свое разнообразное и обширное королевство.

Исходя изъ такой точки зрѣнія, публицисты не могутъ видѣть иныхъ средствъ противъ нашихъ политическихъ бѣдствій, какъ лучшее примѣненіе или лучшая редакція какихъ-нибудь текстовъ закона; поэтому они требуютъ новыхъ текстовъ, требуютъ пересмотра конституціи. Юристъ, который видитъ всю соціальную жизнь черезъ рамки легальности, по убѣжденію котораго все, что незаконно, должно быть сведено къ закону, какъ порядку и гармоніи, во имя закона отбрасываетъ эмпирическія правила и „незаконныя“ явленія, не задаваясь вопросомъ, не составляютъ ли эти явленія цѣлой системы, не образуютъ ли они, благодаря ихъ постоянной повторяемости и своей устойчивости, дѣйствительнаго права, реальной конституціи страны. Всѣ теоретики, проникнутые такою вѣрой, само собой понятно, не пытаются дать объясненіе неизбежности отступленій отъ положительнаго права; они хотятъ ихъ уничтожить, они бритукують ихъ отъ чистаго разума, сообразуясь съ своимъ идеальнымъ типомъ, вырывая явленія изъ ихъ среды, отъ ихъ источниковъ, отъ опредѣляющихъ ихъ условій; такое толкованіе неизбежно придастъ имъ видъ случайныхъ или „произвольныхъ“. Такъ, на примѣръ, одинъ юристъ, авторитетъ котораго великъ въ школѣ, г. Гарро, говоритъ о соціализмѣ и анархизмѣ, какъ о „двухъ злокачественныхъ

прыцахъ, вскочившихъ на великой революціонной ереси общественнаго договора“ ¹⁾).

Вотъ что придаетъ полемическій характеръ всѣмъ трудамъ, которые затрагиваютъ политическую организацію, даже самымъ серьезнымъ, даже тѣмъ, которые стремятся къ самому полному объективизму. Если они исходятъ и изъ точныхъ фактовъ, тщательно собранныхъ и описанныхъ, они толкуютъ ихъ тенденціозно и, такимъ образомъ, отнюдь не давая намъ правильного представленія о нашемъ дѣйствительномъ юридическомъ состояніи, они извращаютъ его форму, его роль и взаимное отношеніе его частей. Описанія, объясненія и построенія юристовъ и публицистовъ представляютъ собою лишь наборъ нападокъ или похвалъ по отношенію къ обществу, котораго они не любятъ или любятъ черезчуръ. Не является ли такая метода отрицаніемъ исторической необходимости и соціального детерминизма, не дѣлаетъ ли она невозможной науку,—безпристрастную систематизацію фактовъ,—равъ въ ихъ глазахъ факты, по принципу, являются чѣмъ-то случайнымъ, что могло бы быть инымъ, могло бы и вовсе не быть? Становятся невозможны ни осмысленная политическая практика, ни юридическая наука, ни соціологія. Остается только ученая полемика между профессорами политиками: ибо кто же не сумѣетъ распознать политическихъ и религіозныхъ симпатій, которыя опредѣляютъ произведенія нашихъ историковъ, юристовъ и соціологовъ?

Другой методъ состоялъ бы въ изслѣдованіи текстовъ законовъ, ихъ примѣненія и ихъ нарушеній, ихъ противорѣчія съ обычаемъ, какъ элементомъ развитія, при этомъ и примѣненія и нарушенія закона разсматривались бы одинаково, какъ необходимыя безспорно, а ргіогі,—какъ неизбѣжныя явленія. Въ такомъ случаѣ дѣло шло бы уже не о критикѣ, не объ устраненіи „незаконныхъ явленій“, какъ фактовъ болѣе или менѣе аномальныхъ, исключительныхъ и произвольныхъ; дѣло шло бы и не о томъ, чтобы придать имъ тѣ или другіе эпитеты; всѣ старанія должны бы быть направлены къ тому, чтобы закрѣпить эти явленія, какъ матеріалъ для нашего конституціоннаго статута, по существу своему столь же законнаго, какъ законность и конституціонность, буквально понимаемая. Исключенія и нарушенія вошли бы въ область права, которое отнынѣ стало бы разсма-

---

¹⁾ *Traité th. et prat. du droit pénal français, supplément, 1895, p. 1.*

триваться, как совокупность правил совмѣстной общественной жизни,—правилъ какъ писанныхъ, такъ и обычныхъ, въ одинаковой мѣрѣ; они изучались бы, какъ юридическія явленія, одинаково необходимыя, одинаково оправдываемыя; это было бы доказательствомъ, что жизнь стала слишкомъ разнообразна, слишкомъ широка, чтобы ее могли регулировать предписанія и предвидѣнія человѣка,—будь онъ мудръ, какъ Минось, и могущественъ, какъ Людовикъ XIV. Такимъ образомъ усилія юриста вмѣсто того, чтобы стремиться устранить того или другого рода практику, какъ отступленіе отъ правилъ, помогали бы точно опредѣлить такую практику, чтобы предоставить ее своей эволюціи, не думая ни критиковать, ни управлять фактами.

Задача историка, юриста, социолога состоитъ въ открытіи дѣйствительной юридической практики; они должны быть служителями исторической необходимости; не внося въ изслѣдованіе своихъ вѣрованій, они должны искать и изслѣдовать тѣ смутныя и неумолимыя вліянія, которыя дѣйствуютъ на всѣхъ людей данной эпохи, независимо отъ того, хотятъ они этого, или нѣтъ. Благодаря этимъ вліяніямъ, самая объективная наука является въ то же время и философией. Во всякой политической теоріи, чтобы понять ее объективно, изслѣдователь долженъ различать двѣ части: во-первыхъ, она выражаетъ опредѣленное время; во-вторыхъ, она стремится направлять общество. Разсматриваемая въ послѣднемъ смыслѣ, всякая теорія ложна: кто еще думаетъ серьезно, что идеи ведутъ за собою міръ? Такая теорія можетъ быть сохранена лишь какъ фактъ, какъ историческое свидѣтельство. Конечно, историкъ можетъ сопоставлять теоріи съ практикой, но это сопоставленіе не должно ли кончатся всегда посрамленіемъ политическаго или ученаго предвидѣнія? Если такая теорія не вырождается въ простую полемику, она входитъ въ исторію и становится новымъ фактомъ въ рукахъ историка, который стремится только къ пониманію.

Великая французская революція организовала опредѣленную систему закона и власти, она установила и опредѣленную ихъ доктрину. Откуда произошли эта система и эта доктрина, на что отвѣчали онѣ, какъ развивались онѣ до нашего времени, каковы въ настоящее время наша система и наша доктрина закона и власти? Такова задача, которую мы ставимъ себѣ, предпринимая

попытку дать систематизацію дѣйствующихъ юридическихъ фактовъ; при этомъ мы не будемъ отдавать исключительнаго предпочтенія фактамъ легальнаго или конституціоннаго характера.

Теорія закона въ томъ видѣ, въ какомъ ее формулировали члены Учредительнаго Собранія и Конвента, носитъ регальный ¹⁾ характеръ; этимъ регальнымъ характеромъ проникнуто понятіе закона и правительства, которое господствуетъ среди юристовъ, государственныхъ людей и частныхъ лицъ; оно регально по своимъ тенденціямъ и по своей организаціи. Низвергнувъ королевскую власть, законъ воспринялъ отъ нея нѣкоторыя ея свойства и такимъ путемъ перенесъ элементы монархіи и въ наши республиканскія учрежденія и даже въ головы социалистовъ,—и реформистовъ, и революціонеровъ.

Эта регальная концепція закона и власти, формулированная буржуазіей, въ настоящее время атакуется фактами и доктринами такъ же, какъ сама она атаковала абсолютную власть короля. Складывается новая практика, еще буржуазная, которая, развивая принципъ политическаго равенства, установила демократію; но эта послѣдняя, въ свою очередь, наталкивается на другую практику—на практику профессиональнаго федерализма, вырабатываемую синдикатами и ассоціаціями рабочихъ и чиновниковъ. Въ настоящее время мы присутствуемъ при встрѣчѣ между демократіей, которою заканчивается монархія, и синдикальнымъ федерализмомъ, созданнымъ пролетаріатомъ крупной промышленности. Тщетны попытки смѣшать одно съ другимъ эти два движенія. Развитие демократіи, антагонизмъ между демократіей и социализмомъ,—вотъ въ чемъ заключается весь кризисъ современнаго государства: это кризисъ конституціонный или кризисъ государственной власти.

Значеніе конституціонныхъ вопросовъ было исключительно велико въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX вѣка: достаточно вспомнить Учредительное Собраніе, революціонныя конституціи до наполеоновскаго дополнительнаго акта включительно, Сіейса, по томъ хартію со статьями и брошюрами, которыя были порождены ею, де-Бональда, де-Местра, Шатобріана, Ланжуинэ, Бенжамена

¹⁾ П р и м е р е в. Подъ словомъ *régalien*, очень часто употребляемымъ авторомъ, послѣдній подразумѣваетъ дискреціонный и непререкаемый характеръ государственной власти,—это наслѣдіе абсолютной королевской власти съ ея привилегіями и регаліями короны. Мы предпочли передать этотъ терминъ словомъ „регальный“, чѣмъ прибѣгать каждый разъ къ описательному способу, что очень загромодило бы русскій текстъ.

Констана, пренія въ палатахъ во время реставраціи, всѣ посвящаемыя этой хартіи; вотированіе избирательныхъ законовъ 1818 и 1820 годовъ, созданіе кафедръ конституціоннаго права на юридическихъ факультетахъ. Волновались по поводу принципа раздѣленія властей, министерской отвѣтственности, парламентской неприкосновенности, распушенія палатъ, права регламентаціи, контроля бюджета, права инициативы, ценза, избирательной правоспособности. Одни и тѣ же вопросы озабочивали всѣ партіи. Прокламація, обращенная къ народу депутатами 31 іюля 1830 г., говорила: „герцогъ Орлеанскій посвятилъ себя дѣлу націи и конституціи“. Революція 1830 г. совершилась изъ-за хартіи, на почвѣ конституціоннаго вопроса, т. е. вопроса государственной власти.

Интересъ къ этимъ вопросамъ все падалъ и падалъ вплоть до нашихъ дней, вмѣстѣ съ разгромомъ партіи ревизионистовъ, требовавшихъ пересмотра конституціи, и съ исчезновеніемъ вопроса о пересмотрѣ конституціи изъ программъ радикаловъ-республиканцевъ. Конституціонный индифферентизмъ развился въ буржуазной средѣ; конечно, борьба и политическія различія не исчезли, они просто ослабились и превратились въ споры между партіями однородными, несмотря на различіе этикетокъ. Различія между умѣренными и радикалами не имѣютъ ничего общаго съ тѣми различіями, которыя раздѣляли представителей сельскаго и промышленнаго населенія во время послѣреволюціонной монархіи. И тѣ и другіе одинаково умѣренные, ихъ отличаетъ только тактика.

Вотъ источникъ политической индифферентности, отмѣчаемой всѣми публицистами и всѣми государственными людьми: это индифферентность къ власти, къ ея осуществленію, къ ея организаціи.

Эта индифферентность не имѣетъ значенія отрицательнаго, подъ ней не скрывается дѣйствительной бездѣятельности людей: она означаетъ только ослабленіе режима,—работа по устройству этого режима не привлекаетъ болѣе. Все менѣе и менѣе вопросъ идетъ о власти: въ самомъ дѣлѣ теперь уже дѣло отнюдь не идетъ ни объ установленіи власти, ни даже объ обновленіи ея; въ настоящее время совершаются лишь консервативные акты, которые не порождаютъ никакой страсти. Это—демократія, т. е. режимъ гражданскаго равенства. „Между существами равными, писалъ Ламенне въ своемъ Опытѣ о религіозной индифферентности, не существуетъ, естественно, ни обязанностей, ни правъ, ни поданныхъ, ни власти, не существуетъ, слѣдовательно, возможности

какого бы то ни было порядка“. Его равныя существа, буржуазный классъ, пересталъ спорить изъ-за преимуществъ власти; онъ становится индифферентнымъ—по отношенію къ ней, какъ къ таковой. Такимъ образомъ можно сказать, что политическая индифферентность есть прирожденное свойство демократіи.

Разъ демократія утверждена, то уже незачѣмъ спрашивать себя, долженъ ли народъ быть сувереномъ, имѣеть ли большинство право принуждать меньшинство, незачѣмъ даже спрашивать себя, какъ ограничить власть числа посредствомъ представительства меньшинства: съ равенствомъ должно исчезнуть понятіе законно господствующаго (*le supérieur légitime*), оно исчезаетъ по мѣрѣ установленія равенства; нѣтъ болѣе ни меньшинства, ни большинства, ни возможнаго угнетенія, такъ какъ спорный вопросъ о большинствѣ, въ смыслѣ различій власти, можетъ возникнуть лишь при наличности неравенства.

Индифферентность демократіи въ политической области нельзя разсматривать ни какъ признакъ упадка умственной энергіи, ни какъ признакъ забвенія соціальной солидарности; это ни эгоизмъ, ни лѣность, ни безнравственность: эта индифферентность заключаетъ въ себѣ развитіе одного принципа, принципа авторитета, фактической зависимости болѣе слабыхъ, облеченной различными конституціонными словами и формами, которыя, однако, могутъ быть сведены къ одному слову: правительство. Индифферентность эта заканчиваетъ собою большое движеніе индивидуальной эмансипаціи буржуазіи, которое послѣдствіемъ своимъ имѣло паденіе феодализма и монархіи. Тысячелѣтнія усилія ведутъ отъ феодализма къ абсолютной монархіи, отъ абсолютной монархіи къ монархіи конституціонной, къ гражданскому равенству; сколько было этаповъ, когда люди высказывали свою индифферентность и не любовь къ сеньеру, къ королю, наконецъ, къ парламенту!

Если эту индифферентность привести къ ея источникамъ, то она окажется фантомъ неизбѣжнымъ; и напрасно пытаться свести ее съ пути ея долгой эволюціи. Всѣ попытки парламентской реформы, пересмотра конституціи, увеличеніе власти президента республики, присоединеніе Государственнаго Совѣта къ Парламенту,—остаются и будутъ оставаться безсильными вернуть челоуѣка къ его прежнимъ интересамъ; ихъ призывъ ужъ болѣе не волнуетъ его. Эти реформы могутъ даже невольно помочь эволюціи того, съ чѣмъ они борются, подобно тому, какъ Шатобріанъ и Жозефъ де-Местръ не знали, что, служа монархіи и легитимизму, они

служили революціи. служили ей даже своими мнѣніями и своими дѣйствіями, самыми авторитарными и самыми теократическими, въ томъ числѣ и войною съ Испанією, предпринятою во славу Бурбоновъ. Шатобріанъ, который въ своихъ мемуарахъ хвалитъ себя за то, что онъ предпринялъ эту войну во имя легитимизма, лишь разбудилъ ею военную славу Бонапарта. Военная слава,— это Бонапартъ, это избирательная монархія, т. е. революція. Это настолько вѣрно, что въ концѣ концовъ Шатобріанъ долженъ объявить себя республиканцемъ, при одномъ воспоминаніи объ этой военной прогулкѣ, которая была главной мыслью, осуществленной въ его короткое министерство. Буржуа, бросавшіеся къ окнамъ, чтобы видѣть дефилированіе будущихъ побѣдителей Трокадеро, смотрѣли, сами того не зная, на погребальный кортежъ монархіи. Людовикъ XVIII готовилъ мѣсто для Людовика-Филиппа, „короля-гражданина“.

Существуетъ цѣлый рядъ фактовъ, имѣющихъ тотъ же смыслъ, они согласуются между собою, составляютъ одну систему,—ихъ соединяетъ необходимость и они объясняются необходимостью. Постараемся понять ихъ такъ, какъ они представляются, во всей ихъ сложности и въ ихъ развитіи, вводя даже теоріи, которыя какъ будто нарушаютъ ихъ, но которыя, въ дѣйствительности, связаны съ ними и опредѣляются ими. Тогда мы будемъ имѣть объективную картину нашего государственнаго строя, нашихъ социальныхъ отношеній, нашей демократической конституціи; тогда обнаружится единство столькихъ усилій, которыя борются и уничтожаютъ одно другое подобно тому, какъ боролись эти программы монтаньяровъ и жирондистовъ, различіе которыхъ, теперь, въ изложеніи г. Оляра, мы уже не можемъ постигнуть.

Парламентъ замѣнилъ собою короля; его прерогативы возвращаются къ отдѣльнымъ лицамъ, теряясь въ коллективности, въ видѣ законодательныхъ правъ, которыя присваиваютъ себѣ судьи и Государственный Совѣтъ; въ видѣ всѣхъ случаевъ вмѣшательства исполнительной власти въ область законодательства, которые теоретики подводятъ подъ понятіе полномочія, полученнаго отъ законодательной власти; въ видѣ права администраціи издавать регламенты; въ видѣ правъ, предоставленныхъ выборнымъ учрежденіямъ; наконецъ, въ видѣ парламентскаго вмѣшательства, которое по существу, является признакомъ тѣсной избирательной зависимости депутатовъ. Суверенъ сталъ нынѣ не болѣе, какъ исполнителемъ-чиновникомъ. Судебная власть въ настоящее время, болѣе

чѣмъ когда-либо, стѣснена контролемъ общественнаго мнѣнія, нашедшаго свою организацію въ „лигѣ правъ человѣка“. Широкое право толкованія, которое она себѣ присваиваетъ, правду говоря, не расширяетъ ея верховнаго права; въ этомъ отношеніи ея произволъ только кажущійся; она связана соглашениями сторонъ, фактическими данными процесса; эти соглашения, эти данные диктуютъ ея рѣшеніе. Они же, а также социальный интересъ, заставляютъ судей истолковывать законъ. Исполнительная власть находится какъ бы въ плѣну въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: синдикаты и ассоціаціи, созданныя по закону 1901 года, спорятъ съ нею, ограничиваютъ ее, социализируютъ или демократизируютъ ее—это зависитъ отъ точки зрѣнія; Государственный Совѣтъ ограничиваетъ ея произволъ, замыкаетъ ее въ область права, принуждаетъ ее уважать свои декреты, подчиняетъ ее режиму законности. Такимъ образомъ эти несмѣняемые члены Государственнаго Совѣта оказываются препятствіемъ на пути произвола власти, подобно тому, какъ въ былое время король, продавая должности въ силу своей абсолютной власти, невольно создавалъ несмѣняемость должностныхъ лицъ въ виду невозможности для него уплатить имъ ихъ деньги. Законъ исходитъ съ Синая, откуда онъ рассылалъ свои лучи, какъ выразился метафорически Карно во время преній въ Конвентѣ; онъ перестаетъ воплощать индивидуальную волю короля или даже Бога, онъ теряетъ старыя атрибуты общности, вѣчности, неподвижности; онъ перешелъ на службу демократіи; и какъ депутатъ, понизившись въ рангѣ, превратился въ чиновника, такъ и онъ не стремится къ иному, какъ быть воплощеніемъ необходимости и науки.

Не такъ давно власть была делегирована (это фикція, которою юристы хотятъ оправдать бездѣтельность и безсиліе большого числа, какъ принципа) и стала расходиться по ассоціаціямъ, гдѣ сосредоточиваются частныя интересы, гдѣ отдѣльныя лица подчиняются своимъ собственнымъ законамъ, законамъ, которые вытекаютъ изъ особыхъ потребностей ихъ интересовъ, при неизбѣжномъ вліяніи солидарности; въ демократіи нѣтъ болѣе власти: власть превращается въ простое завѣдываніе, регулирующую дѣятельность, сотрудничество, соглашения, договоры, въ тысячу средствъ, которыя употребляютъ люди въ отношеніяхъ другъ съ другомъ, когда у нихъ одинаковая сила и одинаковая культура. Тогда говорятъ, что власть умираетъ, что уваженіе къ ней исчезаетъ, что общество становится анархическимъ, что нѣтъ болѣе

религіи. Это вѣрно: равенство родитъ демократію; совокупность учрежденій и союзовъ становится на мѣсто стараго порядка, проникнутаго духомъ регальности и религіозности. Равные между собою люди сами завѣдуютъ своими дѣлами, и было бы непонятно, если бы они стали управлять другъ другомъ. Нужно сказать, что и король, сохраняющій свое положеніе при парламентаризмѣ, исходящемъ изъ принципа національнаго суверенитета, уже болѣе почти не царствуетъ.

Демократія есть движеніе противъ власти, но только по отношенію къ самой себѣ, въ пользу тѣхъ, которые пользуются благами гражданскаго равенства. Въ своихъ отношеніяхъ съ рабочимъ классомъ она опоминается: тогда исчезаетъ „анархія“, чтобы дать мѣсто силѣ, невѣрію—„религіи для народа“; тогда выступаетъ на сцену принужденіе, необходимый результатъ экономическаго неравенства. Если разсматривать демократію съ этой стороны, то оказывается, что демократія признаетъ авторитетную власть (*l'autorité*), любитъ ее и пользуется ею; она объявляетъ себя даже сторонницей ничѣмъ не стѣсняемой власти (*s'affirme autoritaire*) во всей этой области неравенства, это якобинство. Итакъ, можно сказать, что въ настоящее время существуетъ „буржуазная анархія“, отсутствіе власти, которое выгодно для буржуазіи; объ ней слишкомъ часто заявляли публицисты, чтобы можно было сомнѣваться въ ея существованіи; впрочемъ, она видна для всѣхъ. Но этой „анархіи класса“ отнюдь не соответствуетъ отсутствіе правительства, которое было бы выгодно для всѣхъ живущихъ въ демократической средѣ: эта „анархія“ кончается въ тотъ моментъ, когда демократія вступаетъ въ отношенія или въ конфликтъ съ тѣми, которые не могутъ пользоваться гражданскимъ равенствомъ. Итакъ, демократія представляетъ собою режимъ лишь классовой свободы и равенства; она доказываетъ, что власть невозможна между людьми равными. Но она ничего не можетъ сдѣлать для уменьшенія экономическаго неравенства: вотъ почему въ демократическомъ государствѣ существуетъ государственная власть регальнаго характера.

Существуетъ другая политическая индифферентность—индифферентность рабочаго класса, которая присоединяется къ индифферентности буржуазіи, но не сливается съ ней. Одна является концомъ отжившаго режима, неспособнаго найти новыхъ конституціонныхъ формъ, которыя, дѣйствительно, были бы новы и сильны, режима, осужденнаго на произволь въ опредѣленіи цѣлей власти: этотъ ре-